

Неприятность приключившаяся с Александром Пушкиным из-за стихов на графа Уварова

В 1834 году ходила в обществе по рукам эпиграмма: «В Академии наук заседает князь Дундук»... Новый министр народного просвещения граф Уваров встретил у Карамзиных Пушкина, которому молва приписывала эту эпиграмму.

Министр сказал поэту:

— Вы роняете свой талант, позволяя себе осмеивать почтенных и заслуженных людей такими эпиграммами.

Пушкин вскипел и ответил ему:

— Какое право имеете вы делать выговор, когда не смеете утверждать, что это мои стихи?

— Но все говорят, что ваши! — возразил Уваров.

— Мало ли что говорят! А я вам вот что скажу: я на вас напишу стихи и напечатаю их с моею подписью.

И действительно, когда вскоре после этого разговора Уваров захворал, а наследники торопились опечатать его имущество в надежде, что он умрет, между тем как министр неожиданно выздоровел, Пушкин написал стихотворение: «На выздоровление Лукулла», которое и было напечатано в «Московском Наблюдателе».

Эта выходка принесла много неприятностей поэту. В результате получился вызов к Бенкендорфу и объяснение с ним, о котором рассказывал сам Пушкин. Приводим этот рассказ в извлеченьи:

«Вхожу. Граф с серьезной, даже со строгой миной, впрочем, учтиво, ответил на мой поклон, пригласил меня сесть у стола vis-a-vis.

— Александр Сергеевич! Я обязан сообщить вам неприятное и щекотливое дело по поводу вот этих ваших стихов. Хотя вы и назвали их Лукуллом и

переводом с латинского... но все русское общество в наше время настолько просвещено, что умеет читать между строк...

— Совершенно согласен и радуюсь за развитие общества. Но позвольте узнать, кто эта жалкая особа, которую вы узнали в моей сатире?

— Не я узнал, а Уваров сам себя узнал и просил обо всем доложить государю. И даже то, как вы сказали ему, что напишете на него стихи и подпишетесь под ними.

— Сказал и теперь не отпираюсь... Только именно эти стихи я написал не на него.

— А на кого же?

— На вас!

Бенкендорф, вытаращив на меня глаза, вскрикнул:

— Что?! На меня?

А я, заранее восхищаясь развязкой... три раза оборачиваясь к нему лицом, повторял:

— На вас, на вас, на вас!

Тут уж Александр Христофорович, во всем своем величии власти, громовержцем поднимаясь с кресла, схватил журнал и, подойдя ко мне, дрожащей от злобы рукой тыкая на известные места стихов, сказал:

— Однако послушайте, сочинитель! Что ж это такое? Какой-то пройдоха наследник... (читает) «Теперь уж у вельмож не стану нянчить ребятишек...» Ну это ничего... (продолжает читать): «Теперь мне честность — трын-трава, жену обманывать не буду!..» Ну, и это ничего, вздор!.. но вот ужасное, непозволительное место: «И воровать уже забуду казенные дрова». А что вы на это скажете?

— Скажу только, что вы не узнаете себя в этой колкости.

— Да разве я воровал казенные дрова?

— Так, стало быть, Уваров воровал, когда подобную улику принял на себя.

Бенкендорф понял силлогизм, сердито улыбнулся и промычал:

— Гм! Да!.. Сам виноват...

— Вы так и доложите государю. А за сим имею честь кланяться вашему сиятельству».